

Русский Гуманитарный Интернет Университет

**БИБЛИОТЕКА
УЧЕБНОЙ И НАУЧНОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

WWW.I-U.RU

Е. И. Степанов

Отечественная конфликтология: современное состояние и задачи

// Современная конфликтология в контексте культуры мира. Москва, 2001. СС. 6-17

Возникнув как самостоятельное научное направление на переломе 80-х -90-х годов, отечественная конфликтология на протяжении последующего десятилетия развивалась весьма интенсивно и добилась весомых результатов. Побудителем к ее интенсивному развитию служило прежде всего то весьма острое противоречие, обусловленное обстоятельствами как объективно-исторического, так и познавательного характера, которое в то время сложилось в стране вообще и в отражающем и обслуживающем ее нужды общественном сознании – в частности.

С одной стороны, *начавшийся переход от тоталитаризма, централизованным насилием глушившего проявления общественных недовольств и неурядиц, к демократической культуре, допускающей «свободную игру» разнообразных социальных и индивидуальных интересов и устремлений, резко усилил действие конфликтогенных факторов во всех без исключения жизненно важных сферах и социальных институтах российского общества – политике и экономике, международных и межнациональных, семейных и бытовых отношениях, экологии и идеологии, образовании и культуре.*

Наращение числа и интенсивности конфликтных противоборств является общим правилом для переходных периодов общественного развития и находит свое объяснение и оправдание в том, что выражает сформированность и готовность определенных социальных сил к трансформации существующих отношений и структур, к установлению нового порядка вещей [1].

Однако, в условиях перехода от тоталитаризма к демократии в нашей стране эта общая закономерность проявилась с особой остротой. Ибо эскалация социальных конфликтов приобрела здесь такой уровень и такой размах, что вплотную подвела к критической черте, делая реально возможной социальную катастрофу с такими характерными для нее чертами, как потеря управляемости, распад основных государственных и общественных структур, моральная и культурная деградация.

Эту «обвальную» конфликтность к тому же *усугублял идеологический кризис, потеря единства основных ценностных ориентиров.* Происходило не только массовое дистанцирование от прежней идеологии, оправдывавшей тоталитарный порядок, но и «расцветали все цветы» прежде подавлявшихся идейных течений, каждое из которых предлагало свое видение сути происходящих в обществе событий и свое понимание перспектив и способов надлежащей его трансформации.

К тому же этот *«идейный разброд и шатания» разворачивались одновременно с экономическим и политическим кризисом, с обострением межнациональных конфликтов и в тесной связи с ними,* что определяло не только высокую степень остроты, но и сложный, комплексный характер многих конфликтных ситуаций.

Усилению социальной конфликтности в переходный период способствовал и ряд специфических личностных качеств, в массовом масштабе сложившихся у населения за десятилетия господства тоталитарного режима: смазанность, недифференцированность и рациональная непроявленность собственных личностных интересов, упрощенность внутреннего духовного мира и ограниченность культурного уровня, широко распространившиеся взаимная нетерпимость и недоброжелательность и т. п.

Насколько реальна и близка обусловленная всеми этими факторами социальная катастрофа и к каким гигантским негативным последствиям она ведет, россиянам продемонстрировал развал Союза, еще за пару лет до него казавшийся совершенно невозможным и явившийся неожиданностью даже для квалифицированных зарубежных экспертов. Он же отчетливо дал понять: *оправданность нарастания конфликтности имеет свои внутренние ограничения,* поскольку содержит опасность подорвать устойчивость жизнедеятельности общества, сделать нестабильным обеспечение основных ее сфер и сторон, усилить

хаотичность функционирования и изменения различных социальных органов и структур, всего общественного организма в целом. Тем самым собственное существование последнего и его способность к выживанию оказываются под вопросом.

Существует, следовательно, *объективная необходимость поставить нарастающей в обществе конфликтности определенные ограничительные рамки, найдя для этого подходящие способы и средства*. В соответствии с ней общество остро нуждается в средствах, предохраняющих его от чрезмерного «перегрева», обеспечивающих надежный и эффективный контроль за регулированием и разрешением возникающих конфликтных ситуаций.

Вместе с тем, сама общественная практика отчетливо показала, что это уже не могут быть средства, которыми пользовался тоталитаризм, стремясь справиться, а точнее – расправиться с конфликтами: репрессии, устрашение, переключение недовольства вовне или на «врагов народа», идеологическое «промывание мозгов», организация массового воспроизводства послушного и приверженного режиму типа личности и т. п. Такие средства все отчетливее обнаруживали не только свою несостоятельность (принципиально конфликты

не разрешая, а лишь подспудно их накапливая и усугубляя), но и растущую конфликтогенность, поскольку встречали все более активное сопротивление и моральное осуждение в массовом сознании и поведении. *Единственно надежными и эффективными способами и средствами, совпадающими с задачами демократизации общественных процессов и отношений, в сложившихся условиях становились внимательное изучение и оценка настроений и поведения населения, устремлений его различных групп и слоев и адекватное их выражение в соответствующих законодательных актах, управленческих решениях и политических действиях, призванных их соотнести и согласовать*.

Отсюда вполне понятен тот *пристальный интерес к проблеме происхождения, развертывания, регулирования и разрешения разного рода конфликтных ситуаций в обществе*, который стали в этой ситуации проявлять российские обществоведы всех «мастей» – социологи и экономисты, философы и юристы, психологи и педагоги, культурологи и специалисты по национальным отношениям. Повсеместно начали возникать ассоциации, центры, группы по конфликтологии, по разработке и внедрению «социальных технологий», нацеленных на контроль и разрешение разного рода кризисных и конфликтных положений. Их усилия и активность привлекали в первую очередь все те «горячие точки», где оказывалась особенно высокой общественная «температура», требуя для своей нормализации терапевтических мер и посреднического участия.

Но эта объективно обусловленная активность быстро обнаружила другую – субъективную, познавательную сторону рассматриваемого противоречия – *отсутствие развитой конфликтологической теории*, которая помогала бы и облегчала общественному сознанию и общественной практике выработку и освоение эффективных средств и способов адекватного осмысления возникающих конфликтных ситуаций, эффективного социального контроля за их протеканием, их предупреждения или разрешений с помощью применения соответствующей «социальной терапии». Одной из основных причин этого являлось настойчивое навязывание тоталитарной идеологией в предшествующий начавшемуся переходу период представления о «бесконфликтности» советского общества в противовес «вечной конфронтации» присущих капитализму антагонистических сил. Господство подобной идеологической позиции почти полностью блокировало как попытки применить конфликтологический подход к анализу нашей общественной жизни, так и использование для этого достижений зарубежных исследователей, поскольку выставляло и то, и другое в качестве опасного сползания на идейную почву чуждых мировоззренческих установок «буржуазного сознания».

Естественно, что в новых условиях этот существенный пробел в социальном познании потребовал своего энергичного преодоления. Разработка конфликтологической проблематики, осмысление природы и функций социальных конфликтов, особенностей их

детерминации, влияния различных объективных и субъективных условий и факторов, обоснование механизмов и методов их эффективного предупреждения, регулирования и разрешения приобрели поэтому большую актуальность и значимость. Тем более, что мировой опыт, в особенности достижения развитых демократических стран, где конфликтологические исследования получили не только статус важного научного направления, но и прочную организационную основу, показывал: *наращивание теоретического и практического потенциала конфликтологии, повышая компетентность в анализе складывающихся конфликтных ситуаций, их оценке и разрешении, способно стать важным фактором стабилизации и демократизации общественных процессов и отношений.*

С учетом всего этого, отечественными обществоведами с начала 90-х годов был развернут интенсивный процесс осмысления того, чем вызываются и под действием каких детерминант возникают конфликтные ситуации в различных сферах общественной жизни и деятельности. Каковы их основные типы, идеологические, социально-психологические, культурологические, экономические и другие параметры. Какими личностными чертами, особенностями сознания и поведения отличаются их активные участники. Что содействует, а что препятствует предупреждению и профилактике негативных конфликтных противодействий, тормозящих демократическое развитие общества. Что, со своей стороны, способно поддержать позитивные противоборства, помогающие общественному прогрессу. И как ввести любой конфликт, его протекание и разрешение в возможно более цивилизованные и гуманные формы, не ущемляющие прав и достоинства ни одного из его участников.

Весь этот круг проблем и составил предмет конфликтологических исследований. *Конфликтология, как совокупность этих исследований, обеспечивая по мере их развертывания конфликтологический мониторинг важнейших общественных процессов и отношений, отслеживание того, как зарождаются и развертываются конфликтные ситуации, каковы их зоны и стадии напряжения, «болевы точки» и т. п. и предлагая на этой основе адекватные и действенные управленческие решения и практические меры, благодаря всему этому, заявила о себе как необходимом условии и средстве демократизации общества переходного периода. И вместе с тем – как основе эффективного социального контроля за состоянием связанных с этим процессом социальных конфликтов.*

Это отчетливое понимание тесной связи развития конфликтологического знания и его практических приложений с задачей демократизации российского общества составляет важную особенность отечественной конфликтологии, которая, по существу, развивается как *конфликтология переходного периода от тоталитаризма к демократии*, имеющая своей основной задачей осмысление присущих ему противоречий и противоборств, а также путей и средств их эффективного регулирования и разрешения.

Другой важной особенностью отечественной конфликтологии, выявившейся на протяжении ее десятилетнего развития, можно считать *одновременное, параллельное развитие трех ее основных внутренних структурных подразделов – теоретико-методологического, концептуально-отраслевого и технологического.*

В принципе конфликтологическому знанию присуща глубокая социальная ангажированность, придающая ему *преимущественно теоретико-прикладную направленность*. Она обусловлена прежде всего тем, что социальные конфликты представляют собой такие ситуации, активные участники которых больше всего заинтересованы не в самих по себе объяснении или прогнозе дальнейшего развития событий, а в обосновании приемлемого выхода из создавшегося положения. Поэтому *конфликтологическое исследование по самой своей внутренней природе не может ограничиться объяснительной или даже прогностической функцией, а обязано довести познание до реализации конструктивной функции – предложения надлежащих мер по преобразованию конфликтной ситуации.*

Тем не менее, современная конфликтология на Западе, начало становлению и развитию которой положили классические работы Л. Козера и Р. Дарендорфа, обосновавшие

естественность, атрибутивный характер социальных конфликтов и их позитивные функции в жизни общества, а продолжили этот анализ попытки построения общей теории конфликтов (К. Боуддинг, Л. Козер и др.), лишь к началу 80-х годов – прежде всего в лице Дж. Бертона и его последователей – обратилась к проблематике эффективных практических технологий урегулирования и принципиального разрешения конфликтов как основной и приоритетной для обеспечения действенности всего конфликтологического знания.

Отечественная конфликтология, в силу выше изложенных специфических обстоятельств, не могла себе позволить растягивать этот процесс накопления и использования конфликтологического знания во времени, а, наоборот, вынуждена была максимально его концентрировать и интегрировать, внимательно осмысливая и то, что можно взять из имеющихся за рубежом разработок применительно к тому, как подходить к изучению конфликтных ситуаций, условий, детерминант и механизмов их возникновения, и то, какие применять для этого методики, модели, сценарии, технологии и т. п. А также, кстати, то, как все это творчески переработать в соответствии с нашими собственными конкретными условиями и обстоятельствами, ибо, как быстро обнаружилось, без основательной проработки этого круга проблем не могло быть обеспечено широкое и плодотворное развитие всей отечественной конфликтологической проблематики.

В этом отношении весьма показательна одна из первых удачных отечественных работ – коллективная монография, созданная под руководством вице-президента РАН академика В. Н. Кудрявцева и состоящая из трех отдельных книг. Каждая из этих книг как раз и посвящена анализу проблем, входящих в один из указанных структурных подразделов конфликтологии: ч. 1 – «Введение в общую теорию конфликтов» (1993), ч. 2 – «Юридический конфликт: сферы и механизмы» (1994), ч. 3 – «Юридический конфликт: процедуры разрешения» (1995). А все они вместе решают задачу выведения конфликтологического знания в конечном итоге на технологические проблемы реального практического регулирования и разрешения конфликтов в важнейших сферах общественной жизни, в данном случае – с сфере права, охватить и осмыслить которую призвана юридическая конфликтология как одно из самых злободневных отраслевых направлений отечественных конфликтологических исследований в целом.

Впрочем, работы столь широкого охвата за последнее десятилетие появлялись в отечественной конфликтологии не слишком часто. В этом плане с названным исследованием можно, пожалуй, сопоставить лишь коллективную монографию «Конфликты в современной России» (М., 1999), в которой авторский коллектив также ставил своей задачей широкий охват как зарубежного опыта, так и отечественных достижений в сфере не только общих методологических проблем конфликтологии, но и появившихся к этому времени различных отраслевых конфликтологии – политической, юридической, конфликтологии этно-национальных отношений, становления рыночных отношений и предпринимательства и т. п., а также, разумеется, – их практически-прикладных аспектов. На основе их изучения в монографии сделан, в частности, тот важный и правомерный вывод, что основная задача отечественной конфликтологии на переживаемом ею в настоящее время этапе своего становления состоит в том, чтобы, координируя научные исследования по социальным конфликтам в современном обществе, сконцентрировать их на разработке таких важнейших стратегических направлений конфликтологического анализа, как:

- принципы прогнозирования и ранней диагностики социально-экономических, политических, межнациональных, правовых и других социальных конфликтов;
- методы предотвращения, нейтрализации и надежного блокирования их деструктивных, разрушительных для общества тенденций, форм и последствий;
- способы цивилизованного разрешения конфликтов, содействующие стабилизации и развитию общественных процессов и отношений.

Соответственно этому ***приоритетными задачами в исследовательской деятельности конфликтологов на ближайшую перспективу должны быть признаны:***

- *анализ мировоззренчески-методологических проблем и проблем общетеоретического характера*, состоящий в обосновании принципиальных подходов к анализу конфликтных процессов и отношений, а также в обеспечении соответствующего понятийного аппарата;
- *проработка концептуальных проблем*, играющая, по сути дела, роль «программного обеспечения» в адекватном осмыслении, надежном отслеживании и точной оценке реальных конфликтных ситуаций, а также в отборе эффективных средств и способов их разрешения;
- *разработка организационно-методических и технологических проблем*, обеспечивающих практическую применимость и действенность конфликтологической теории.

Ибо именно успешная реализация этой долговременной исследовательской и прикладной программы в различных дисциплинарных ответвлениях конфликтологического знания (политической и юридической конфликтологии, конфликтологии труда, предпринимательства, образования, межнациональных отношений, семьи и т. п.) только и позволит, наряду с налаживанием мониторинга, дающего представление о состоянии и динамике конфликтных ситуаций, возникающих в переходном обществе, осуществить практическое посредничество между различными группами населения, участвующими в них, а также между администрацией и населением и вместе с тем – критически анализировать и оценивать характер и результаты различных управленческих воздействий на эти ситуации с целью их урегулирования.

Современная отечественная конфликтологическая литература в основном демонстрирует предпочтение работающих в этом научном направлении исследователей, как правило, одному-двум из ее упомянутых выше структурных подразделов и аспектов.

Так, разработке **мировоззренчески-методологических и общетеоретических проблем** на протяжении последних лет посвящали свои работы Е. И. Васильева, О. Н. Громова, А. В. Дмитриев, А. И. Донцов, Е. А. Донченко, В. В. Дружинин, Ю. Г. Запрудский, А. Г. Здравомыслов, Д. П. Зеркин, Б. И. Краснов, В. Н. Кудрявцев, П. И. Куконков, Л. А. Нечипоренко, Э. Р. Тагиров и др. В своих работах, анализируя предмет и функции конфликтологии, природу социальных конфликтов, их причины и субъектов, типологию и механизмы, методы предупреждения и разрешения, они вполне правомерно используют многие идеи из работ зарубежных исследователей, в особенности тех, что признаны классическими и получили в научной литературе широкий резонанс. Это прежде всего концепции «позитивно-функционального конфликта» Л. Козера, «конфликтной модели общества» Р. Дарендорфа, «социологии конфликта» Л. Крисберга, «общей теории конфликта» К. Боулдинга, «структурного насилия и структурных конфликтов» И. Галтунга, «коллективных насильственных действий» Ч. Тилли, «поведенческой модели фрустрации-агрессии» Д. Долларда, «разрешения конфликтов на основе человеческих потребностей» Дж. Бертона и др.

Вместе с тем, как представляется, в методологический анализ конфликто-логической проблематики пока недостаточно вовлечен собственный эвристический потенциал отечественной социальной философии и обществознания, накопленный в предшествующий период их развития. Было бы большой ошибкой и потерей оценивать его весь целиком негативно и с порога отбрасывать «за ненадобностью».

Это особенно относится к проблемам понимания социальной деятельности, ее детерминации, противоречивой природы, целенаправленности, сознательности и результативности. Речь идет прежде всего об использовании эвристического потенциала субъектно-деятельностного подхода к осмыслению проблем общественного бытия и общественного сознания. Его важные особенности и роль раскрыты в работах не только философов (Л. П. Бугевой, Б. А. Вороновича, М. С. Кагана, А. В. Маргулиса, Ю. К. Плетникова, В. Н. Сага-товского, В. П. Фофанова), но и социологов (М. С. Кветного, В. И. Приписнова, Ю. Н. Козырева, В. А. Ядова, Е. А. Якубы и др.), культурологов (В. И. Иванова, Э.

С. Маркаряна, В. М. Межуева и др.), представителей общей и социальной психологии (К.А. Абульхановой, Б. Г.Ананьева, А. Н. Леонтьева и др.), экономистов (В. С. Короля, В. М. Левина, Э. Ф. Межинской, Б. М. Мочалова и др.). Благодаря его применению проделан весьма широкий и разносторонний социально-философский и частнонаучный анализ деятельности сущности человека, системы и структуры человеческой деятельности и поведения, развернуто понимание таких важных для нужд конфликтологического анализа проблем, как специфика способа социального бытия, функционирование и развитие детерминант и механизмов основных сфер жизнедеятельности общества (экономической, социально-политической, духовной), как образ и качество жизни, система общественных отношений и общения, особенности социальной мотивации активности, специфика действия социальных законов, процесс труда, управления, образования, воспитания и т. п. Адаптация всего этого богатого методологического и теоретического материала к насущным задачам отечественной конфликтологии открывает возможность не только поставить последнюю на прочное мировоззренческое и общетеоретическое основание, интегрирующее в себе, наряду с зарубежными достижениями в осмыслении социальных конфликтов, собственный познавательный потенциал, но и критически осмыслить этот потенциал и выявить те его аспекты, которые требуют корректировки и дальнейшего развития.

Косвенным подтверждением того, что весь этот материал, имеющий своей методологической основой субъектно-деятельностный подход к социальной реальности, сохраняет свою актуальность и значимость для современной конфликтологической теории, служит то, что он тесно перекликается с теми проблемами, важными для развития социального познания вообще, социологического – в особенности, которые поставлены в середине 80-х гг. в прекрасной книге известного французского социолога Алена Турена «Возвращение человека

действующего» (1984). Эту тесную связь с данным методологическим подходом можно почувствовать хотя бы из следующего положения в первой части книги, имеющей характерное заглавие – «Новое представление об общественной жизни»: «Социальная жизнь может быть прежде всего охарактеризована как деятельность самопроизводства и самотрансформации, которые она осуществляет посредством своих инвестиций, если дать этому понятию более широкий, а не чисто экономический смысл. Ее характеризуют, далее, конфликты, связанные с борьбой за управление этими инвестициями, наличие все более и более живого сознания действующего лица – субъекта, которое дистанцируется от результатов своих инвестиций, признает их своими творениями, размышляет над своей творческой способностью, выбирает в качестве главной ценности осознание и опыт самого себя в качестве субъекта и видит в других сходство с собой единственно в силу их способности быть субъектами. Здесь коренится единство социальной системы, оно представляет собой область, где производится историчность, представляющая смысл общественных конфликтов и основанная на сознании субъекта» [2].

Весьма основательную проработку в отечественной научной литературе получили **концептуально-теоретические проблемы анализа социальных конфликтов в различных общественных сферах**. В имеющихся публикациях их авторы, стремясь обеспечить адекватное осмысление, надежное прогнозирование и точную оценку этих проблем, а также отбор эффективных средств и способов их разрешения, большое место отводят тому, чтобы определить общие функции и место данных социальных конфликтов в обществе, в том числе и находящемся на переходном этапе своего развития, раскрыть общий характер взаимодействия реальных конфликтующих структур, основные особенности наличного конфликтного сознания и поведения их представителей, роль и значение в их развертывании личностных качеств их активных участников, применяемых ими стратегий поведения. Специфические проявления этих функций и характерных черт социальных конфликтов в такой важнейшей сфере общественной жизни, как производственно-трудовая прослеживают Ф. М. Бородин, А. Р. Зайцев, Н. М. Коряк, В. О.

Рукавишников, Т. С. Сули-мова, В. Н. Шаленко, Ю. Шерковин и др., внутренняя и внешняя политика и правовая деятельность – А. А. Гастев, А. В. Глухова, Ю. А. Головин, З. М. Зотова, А. В. Кинсбургский, В. А. Кремешок, В. Н. Кудрявцев, М. М. Лебедева, Л. И. Никовская, Л. Н. Тимофеева, А. Н. Чумиков, Н. В. Щербакова и др., межнациональные и межгрупповые отношения – В. А. Авксентьев, М. Н. Губогло, Л. М. Дробижева, В. Н. Иванов, М. В. Иордан, Э. А. Паин, В. Г. Смолянский, Е. А. Солдатова, В. А. Соснин, В. А. Тишков, П. Н. Шихирев и др.

В разработке **организационно-методических и технологических проблем** отечественной конфликтологии также предприняты значительные усилия. В появившихся публикациях В. И. Андреева, А. Я. Анцупова, Н. В. Гришиной, О. Н. Громовой, Н. С. Данакина, А. И. Донцова, Л. Я. Дятченко, А. А. Ершова, В. И. Журавлева, Ю. Д. Красовского, И. И. Лавриненко, М. М. Лебедевой, А. И. Пригожина, В. А. Соснина, Л. С. Троновой, В. П. Шипилова и многих других речь идет главным образом о важных социально-психологических, конкретно-социологических, политико-правовых, регулятивно-управленческих и т. п. аспектах диагностики, прогнозирования, предупреждения и профилактики конфликтов, в том числе связанных с перестройкой и трансформацией общественных процессов и отношений. О необходимости формирования искусства спора, культуры полемики, организационных условий, внутригрупповых и межгрупповых взаимоотношений и взаимодействий в ходе их развертывания и разрешения. О специфических требованиях к ведению переговоров, к управлению разнообразными общественными коллизиями в целях их приемлемого для всех регулирования и разрешения. О способах участия населения в практической политике, в позитивном изменении производственно-трудовых, политико-правовых, информационно-образовательных, бытовых и других конфликтных ситуаций, его подготовке к этому с помощью игровых ситуаций и тренинговых процедур, обеспечивающих взаимную толерантность участников, их готовность к сотрудничеству, к партнерскому общению. О формировании соответствующих этим требованиям и задачам конфликтологических служб и структур и целенаправленной организации их регулирующего воздействия.

Сформировавшийся к настоящему времени кадровый потенциал отечественных исследователей-конфликтологов (прежде специализировавшихся в самых разных направлениях обществознания и человековедения), полностью охватить и охарактеризовать масштаб, состав и труды которого уже сейчас можно только в особом объемистом и многоаспектном исследовании (нужда в котором, думается, вполне назрела), а также достигнутые их совокупными усилиями научные результаты, как представляется, составляют необходимое и достаточное исходное условие для дальнейшего успешного развития отечественной конфликтологии в качестве нового самостоятельного научного направления. Больше того, они же выступают основой для постепенного, но неуклонного усиления ее междисциплинарного (или, по выражению Дж. Бертон, быть может, более точному, – «адисциплинарного») характера, определяемого самой природой ее предмета – реальных социальных конфликтов, испытывающих на себе влияние и имеющих своим внутренним содержанием самые разные факторы и аспекты – экономические и политические, воспитательные и образовательные, идеологические и психологические, этнические и социо-культурные и т. п.

Вместе с тем, следует подчеркнуть, что все достигнутое на настоящий момент, – только начало, и относиться к нему и нужно именно как к началу. С одной стороны, они отчетливо обозначили, что конфликтологию как самостоятельную научную дисциплину, значимую и актуальную для современного состояния российского общества, можно считать состоявшейся. С другой стороны, однако, именно сопоставление с нынешней общественной ситуацией показывает, как много еще существует проблем, настоятельно требующих своего незамедлительного анализа и решения, подчас не только теоретического, концептуального, но и практического, реального. Обозначим здесь некоторые из них, на наш взгляд, наиболее важные и неотложные.

Прежде всего, в методологическом отношении требуется дальнейшее обоснование и углубление содержания конфликтологической парадигмы как принципиальной основы для анализа любого типа социальных конфликтов и любого их аспекта. Эта задача особенно важна именно в условиях начавшейся трансформации российского общества, поскольку эта трансформация предполагает и даже требует соответствующего преобразования и общественного сознания, восприятия им социальной реальности.

Исходными положениями конфликтологической парадигмы, в противовес так называемой интегративной парадигме, исповедуемой структуралистами на Западе и объективистами у нас, выступает, во-первых, *признание и обоснование значения социальных конфликтов в качестве повседневного и естественного явления общественной жизни, ее неотъемлемого атрибута*. «Бесконфликтного» общественного бытия, как это утверждалось еще недавно идеологами тоталитаризма применительно к нашему обществу, нет и быть не может, поскольку по своей сути оно представляет собой непрерывный процесс возникновения и разрешения разного рода противоборств личностей и социальных групп.

Во-вторых, исходным для этой парадигмы выступает *признание не только «неизбыточности», неустранимости конфликтности в обществе, но и выявление и подчеркивание конструктивной, позитивной роли конфликтов в общественном развитии*. По существу, это методологическое требование составляет другую сторону преодоления тоталитаристской парадигмы «бесконфликтности», поскольку именно последняя придает конфликту чисто деструктивный смысл, рассматривая его в качестве отклонения от «нормы», за которую выдается полное единство сознания и интересов всех составляющих общество групп, слоев, граждан.

Разумеется, отсюда вовсе не следует, что конфликты могут иметь только позитивное значение и не приобретают деструктивную для развития человека и общества роль. Однако общее положительное отношение к конфликтности в обществе ориентирует, с одной стороны, на то, что столкновения по тем или иным основаниям – нормальное явление общественной жизни, а с другой, – на необходимость поиска таких общественных условий и форм, которые способны придать этим столкновениям максимально культурный, цивилизованный и гуманный характер.

Насколько важен этот поиск, и не только с концептуально-теоретической, но и сугубо практической точки зрения, и насколько настоятельно необходимо всестороннее и реальное освоение конфликтологической парадигмы – демонстрирует наша нынешняя отечественная ситуация, где сознательная и целенаправленная институционализация любых социальных конфликтов, – как выражение понимания их значимости и учета их специфики, – как правило, отсутствует, а использование процедур рационализации конфликтных ситуаций и посреднических усилий непривычно пока не только для населения, но и для властных органов. Ведь не секрет, что во властных структурах, по существу, отсутствует конфликтологическая экспертиза подготавливаемых управленческих решений и нормативных актов, предпринимаемых политических и административных действий, которая могла бы использовать и международный опыт урегулирования и разрешения сходных конфликтных ситуаций. Управленческое воздействие на конфликтный процесс нередко запаздывает и оказывается недостаточно эффективным из-за того, что не учитываются стадии его развития и решение начинает вырабатываться лишь тогда, когда конфликт подошел к границе, за которой вообще не поддается контролю и регулированию. К тому же при проработке способов и средств целенаправленного разрешения конфликтов предпочтение зачастую по-прежнему отдается немедленному силовому воздействию, а не постепенно достигаемому компромиссу и тем более консенсусу. Столь неподготовленное или агрессивное вмешательство властных органов вместо институционализации и рационализации конфликтов способствует их провоцированию и дальнейшему обострению, нередко заводя в тупик.

В концептуальном плане одной из наиболее важных и неотложных задач дальнейшего развития отечественной конфликтологии выступает перевод конфликтологических

исследований с общесоциального на региональный уровень при одновременном внимательном учете геополитической ситуации и ее влияния на региональные процессы. Ибо, как показывает сегодняшняя практика, в ряду разнообразных общественных коллизий, развертывающихся в настоящее время на территории Российской Федерации, наибольшую остроту и размах приобрели, пожалуй, экономические, политические и межнациональные региональные конфликты. Это обусловлено прежде всего тем, что на обширном постсоветском пространстве образовалось множество форм социально-экономического, политико-правового и межэтнического напряжения, которые, при определенных условиях, грозят вылиться или уже вылилось в открытые насильственные столкновения, в том числе и вооруженного характера, несущие многочисленные жертвы и разрушения. Так, в настоящее время специалисты насчитывают свыше 200 возможных форм только межнациональных претензий и противоречий, основная часть которых приходится на территорию РФ.

Общим как для всех постсоветских, так и собственно российских регионов является то, что повсюду в них социальная напряженность и провоцируемые ею конфликты, тем более выливающиеся в острые конфронтации, особенно с применением вооруженного насилия, затрудняют проведение социально-экономических и политических преобразований, тормозят объединение общественности вокруг гуманистических, демократических идеалов. Вместе с тем ясно, что в каждом из регионов модели развертывания социальных конфликтов и, соответственно, меры по их эффективному урегулированию и предупреждению должны иметь существенные различия.

Опыт последних лет отчетливо показывает: очаги регионального «возгорания» можно обезопасить, а тем более потушить лишь целенаправленными, последовательными и терпеливыми усилиями. Эти усилия должны опираться на специально разработанные для этого методы и средства моделирования возникающих и развивающихся конфликтов, а также на соответствующие их специфике технологии регулирования и преодоления конфликтных ситуаций.

С учетом того, что сфера внутрирегиональных коллизий является сегодня наиболее взрывоопасной и наименее прогнозируемой, возникает настоятельная необходимость создания в регионах системы оперативного и динамичного моделирования региональной конфликтности и применения действенных «терапевтических» мер, предупреждающих ее опасное нарастание.

Наконец, третьей важной и неотложной задачей современного развития отечественной конфликтологии, отражающей ее технологический аспект, представляется ее всемерное содействие укреплению, углублению и распространению культуры мира как одного из основных ориентиров и ценностей духовного прогресса всего человечества.

В статье 1 Декларации о культуре мира, принятой 53-й сессией Генеральной Ассамблеи ООН в ноябре 1998 г. поясняется, что культура мира является сочетанием ценностных установок, мировоззренческих взглядов, традиций, типов поведения и образов жизни, основанных на:

- а) уважении к жизни, прекращении насилия и поощрении ненасилия и практическом отказе от насилия через посредство образования, диалога и сотрудничества;
- б) полном уважении принципов суверенитета, территориальной целостности и политической независимости государств и невмешательства в вопросы, которые по своей сути относятся к внутренней юрисдикции любого государства, в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций и международным правом;
- в) полном уважении и поощрении всех прав человека и основных свобод;
- г) приверженности мирному урегулированию конфликтов;
- д) усилиях, направленных на удовлетворение потребностей нынешнего и будущих поколений в области развития и окружающей среды;
- е) уважении и поощрении права на развитие;
- ж) уважении и поощрении равных прав и возможностей женщин и мужчин;
- з) уважении и поощрении прав каждого на свободу выражения мнений и убеждений и

свободу информации;

и) приверженности принципам свободы, справедливости, демократии, терпимости, солидарности, сотрудничества, плюрализма, культурного разнообразия, диалога и взаимопонимания на всех уровнях общества и между народами; и поощряемых благоприятной национальной и международной средой, способствующей миру.

В отношении технологического содействия реализации всех этих конкретных ориентиров отечественным конфликтологам, в частности, предстоит предпринять все от них зависящее, чтобы *подкрепить развитие конфликтологии как научной дисциплины ее быстрейшим и повсеместным развитием как учебного предмета прежде всего в высшей, а затем и в средней, общеобразовательной школе.*

1. Манхейм К. Человек и общество в эпоху преобразования. – Диагноз нашего времени. М., 1994; Пригожий А. И. Сущность переходных процессов. – Социология перестройки. М., 1990; Трансформирующиеся общества: цели и пути. М., 1996; Социальные конфликты в трансформирующихся обществах. М., 1996.
2. Турен А. Возвращение человека действующего. М., 1998. С. 23-24.